

В годы временной оккупации немецкими захватчиками территории Барановичского района я с родителями проживала в дер.

Подпись Гессе

Архив УКГБ Республики Беларусь по Брестской области

Застаринье, Барановичского района, Брестской области. Мои родители занимались сельским хозяйством.

Деревня Застаринье в годы оккупации входила в партизанскую зону и у нас постоянно бывали советские партизаны различных партизанских отрядов. Хотя я в то время была маленькой, мне было всего 8 лет, я хорошо помню эти обстоятельства до настоящего времени. Моя девичья фамилия Букрей.

Хорошо помню дату 1 мая 1943 года. В этот день в нашей деревне было очень много партизан. В деревне, на горе, в честь праздника, дня 1 мая партизанами был проведен митинг, на котором были почти все жители нашей деревни. После митинга в деревне находилось много партизан.

На следующий день, 2 мая 1943 года, рано утром, с восходом солнца, меня разбудили мои родители. В это время была слышна стрельба, которая раздавалась где-то за нашей деревней, а затем она стала нарастать, отчетливо слышалась винтовочная и автоматная стрельба в непосредственной близости от деревни. Родители в это время выносили кое-какие вещи на улицу. Моего брата Ивана родители отправили в лес, туда он погнал корову, за ним следом в лес побежал и мой отец Букрей Захар Августинович. В доме осталась я с матерью Букрей Анастасией Александровной, братом Арсением, ему тогда было 4 года, бабушкой и дедушкой.

В это время по деревне промчались кавалеристы в немецкой форме, их было несколько человек, следом за ними в деревню прибыли каратели на танкетках, автомашинах и на повозках, их было много. Они были одеты в немецкую военную форму зеленого цвета, какие у них были знаки отличия, погоны, петлицы, кокарды, я не помню. На головных уборах пилотках и фуражках у них были кокарды, но как она выглядела, я не припоминаю. У некоторых карателей на голове были каски.

Ворвавшись в деревню каратели стали ходить по домам и забирали партизанское имущество, оставленное ими при отходе из деревни. Спрашивали где партизаны, требовали яйца, масло. С такими вопросами они обращались к моей матери, как только вошли в наш дом.

Не могу сказать в какое точно время, но приблизительно в течение первого часа пребывания в нашей деревне каратели расстреляли Лобейко Юрия, отчество не помню, нашего соседа. Кто его расстрелял и за что я не знаю. Говорили, что он ответил карателям что-то не так, как им хотелось. Убит он был на улице около своего дома, в промежутке между его и нашим домом. Я видела его труп, но какие у него были ранения, я не помню. Тогда же им был расстрелян другой наш сосед Бернат Константин, отчество не помню. Кем конкретно из карателей он был расстрелян и по какой причине, мне неизвестно. Его труп лежал на улице, но где именно, я не помню.

Затем на окраине деревни, на горе начался бой карателей с партизанами. Бой был сильный, каратели стреляли из различных видов оружия, деревня гудела от стрельбы. В это время в районе, где каратели вели бой с партизанами загорелось несколько домов местных жителей. Бой начался приблизительно в 10-11 часов утра и продолжался до обеда, пока партизаны не ушли в лес. Во время боя мы находились с матерью у себя в доме. Мать выносила вместе с нами различные вещи к реке, чтобы они не сгорели, если в ходе боя загорится и наш дом.

Гасер

Я помогала матери выносить вещи к реке, это делали и дедушка с бабушкой. Затем бой окончился в деревне наступила вроде тишина, были слышны отдельные выстрелы и перестрелки. В это время мы находились у себя в доме. Затем все пошло на огород, к реке, где находились вынесенные из дома вещи. Там нас обнаружили каратели и приказали идти в деревню, а затем всех, меня, мою мать, братишку Арсения, бабушку и дедушку загнали в дом нашего односельчанина Михан Ильи, отчество его не помню. Когда нас загнали в дом Михана Ильи, там уже находились люди, было около 10 человек. Затем каратели пригоняли в дом других односельчан. В доме находились мужчины и женщины, старики и дети. Всего в доме было, как я в последствии узнала, 24 человека, все находились в одной комнате, никакой обстановки и мебели в ней не было. Очень хорошо помню, что каратели, которые нас загоняли в дом Михана Ильи и пригоняли других односельчан, ходили с засученными по локоть рукавами, разговаривали они на русском языке. У согнанных людей они спрашивали, где спрятано золото, шелк и оружие. Им отвечали, что все что было, все вынесено на улицу и больше ничего нет, а оружия никогда и не было. После этого три карателя, они мне были незнакомы, молодые по возрасту приказали всем находившимся в доме ложиться на пол один около другого. При этом они приказали лежать на полу и не шевелиться, предупредив, что кто шелохнется и поднимет голову, того они будут казнить. Все, кто находился в доме, легли на пол. Я лежала рядом с матерью, братишкой, дедушкой и бабушкой, мы лежали на полу недалеко от дверей. Комнатка эта была небольшой и когда все легли на пол, свободного места на полу уже не было. Каратели, подавшие команду ложиться на пол, были вооружены автоматами. Когда все легли на пол, каратели стали стрелять по лежащим на полу людям из автоматов, стреляли очередями. Помню, что мне на спину сыпались стреляные гильзы и скатывались на пол. Их было много. После этого каратели закрыли дверь и ушли из дома. Я ранений не получила, но подниматься боялась. Я была забрызгана кровью, кровь была и на полу, где я лежала. В это время кто-то стал сильно стонать у стены. Я отважилась подняться и посмотрела в окно. Я увидела, что наш дом горит, дотрала крыша дома и уже частично обваливалась внутрь дома. Я осмотрелась по сторонам в комнате. Отчетливо помню, что одна женщина лежала на полу, у которой на голове был повязан белый платок, он был весь залит кровью, был весь красным, только в некоторых местах были видны белые просветы. Стонало еще несколько человек в разных местах комнаты, но кто именно, я понять не могла. После этого я легла вновь на то место, где лежала. Спустя некоторое время я услышала шаги, двери открылись и в комнату вошли люди, они разговаривали между собой. Я слышала их слова нужно добить. Кто вошел в комнату, я не видела, я лежала на своем месте и не шевелилась, голову не поднимала. Я слышала, что каратели пошли по комнате, они прошли мимо меня, шли видимо по трупам людей, поскольку свободного места на полу не было почти, были небольшие кусочки свободного места между телами людей. В комнате раздалось несколько одиночных выстрелов, стоны после этого прекратились. После этого каратели ушли из дома и закрыли двери в комнату. Я вновь понялась, подошла к окну и посмотрела на улицу, потом посмотрела в другое окно. Видела, что в деревне горели дома в обоих концах деревни. Для чего я поднималась и смотрела в окна, я в настоящее время объяснить не могу. Посмотрев в окна

Сее

я возвратилась и легла на пол на прежнее место. Когда я лежала на полу, в дом еще несколько раз заходили каратели и вели между собой разговор, из которого я только помню слова нужно проверить. При этих приходах они в комнате не стреляли, никто в комнате не стонал.

Когда я поднялась в третий раз, я стала звать свою мать, тряса ее, но она не отвечала и не подавала признаков жизни. Я вышла на улицу и увидела, что каратели находятся около наших вещей, которые мать, бабушка, бабушка и я выносили из дома. Они перебирали и копались в наших вещах. Деревня со всех сторон горела, горели дома по-соседству с домом Михана Ильи. Я испугалась и возвратилась в дом Михана. Когда я вошла в комнату, там приподнялась хозяйка дома Михан Нина, отчество не помню, которая просила меня приподнять ее к окну. Я подошла к ней, она приподнялась, я поддерживала ее. Она хотела посмотреть в окно. Когда она взглянула в окно, сразу стала падать, я не могла ее удержать, она упала на пол и не подавала больше признаков жизни. В комнате никто не стонал, никто не шевелился, никто не подавал признаков жизни. Я опять легла на пол на прежнее место около своей матери. Никто после этого в дом не входил. В деревне уже не было слышно стрельбы, иногда только раздавались одиночные выстрелы. Машины и танкетки уже по деревне не ходили, шума моторов не было слышно.

Только когда в деревне немного стихла стрельба, карателей голосов около дома не было слышно, я испугалась, что загорится дом, в котором я нахожусь, т.к. все соседние дома уже полностью были охвачены пламенем. Над деревней поднимались густые клубы дыма, вся деревня вольхала в огне. Поскольку в доме никто не подавал признаков жизни, все вокруг горело, я испугалась и побежала на улицу. Выбрав на улицу, я увидела, что вокруг все горит, я побежала в сторону от деревни, в направлении дер. Буневичи. Я отбежала около 200-300 метров, добегала до дороги и легла в канавке недалеко от дороги, идущей на Городище. Дом Михана Ильи в это время не горел и впоследствии он остался целым. Сколько времени я лежала в канаве, я сказать затрудняюсь, но помню, что сильно замерзла. В это время каратели уже начали выезжать из деревни. Первыми ехали кавалеристы, я сначала смотрела на них, потом смотрела на них лежа на боку. Меня видимо заметили конные. К яме под"ехало два карателя верхом на лошадях, я закрыла глаза. В это время один из них сказал: "Нужно добить." Другой сказал: "Сама дойдет." После этого каратели от меня уехали. Потом из деревни по дороге в направлении Городища двигались танкетки, автомашины и обоз карателей. Помню, что из деревни гнали очень много скота. Но в каком порядке в цепи карателей гнали скот до обоза или следом за обозом карателей, точно не припоминаю. Я в канаве лежала до тех пор, пока обоз карателей не от"ехал от деревни на значительное расстояние, пока не скрылся за кустами. После этого я встала и увидела, что у меня все пальто замаслено кровью. Я пошла в деревню и подошла к дому, вернее месту, где ранее стоял наш дом. Там догорали остатки стен дома. Я погрелась у пожара и пошла на огород, где находились наши вещи. Они все были раскиданы по огороду. Наступал вечер и я боялась оставаться одна, я не знала, где мне ночевать. В деревне осталось после ухода карателей только 5 или 6 домов. Я пошла в сторону дер. Сениченята и там встретила с выходящими из леса жителями нашей деревни, которые до прихода карателей

Гесс

в деревню успели уйти в лес. Я рассказала им, что вся деревня карателями сожжена, люди расстреляны, а каратели из деревни уехали в направлении Городище.

Односельчане пошли в деревню Застаринье, а меня отвели в дом наших знакомых, про живавших на хуторе, около леса, приблизительно в 2 километрах от дер. Застаринье. Там меня и нашел мой брат Иван, а затем отвел к тете в дер. Козловичи, Барановичского района. Утром к тете мой отец привез тяжело раненую мою мать, она прожила четыре дня и умерла. У нее было в области затылка на голове и второе ранение в ногу. Из числа лиц, расстрелянных карателями в доме Михан Ильи в живых остался еще Михан Николай, он проживает в настоящее время в дер. Железнице. Он был ранен. Когда я поднималась в комнату, выходила на улицу, я не помню, чтобы Михан Николай подавал какие-либо признаки жизни. Когда он вышел из дома, я не знаю. Из дома после моего ухода выползла моя мать и Бернат Анастасия Фоминична. Остальные односельчане в доме Михана Ильи были убиты карателями.

Никого из числа карателей я не знала по фамилии, черты лица никого из них у меня в памяти не сохранились и в настоящее время я их опознать не смогу.

Позднее я узнала от односельчан и других лиц, кого именно не помню, что расправу над мирными жителями в деревне Застаринье учинили каратели батальона, который в то время располагался в м. Городище и дер. Великое Село, Барановичского района, Брестской области. В составе этого батальона служили изменники Родины украинцы, русские и белорусы. Какой номер носил этот батальон, как он именовался мне неизвестно. Муравьева Ростислава Александровича я не знала, о его службе в батальоне и преступной деятельности ничего показать не могу. Кто руководил зверской расправой карателей над жителями дер. Застаринье, мне также неизвестно.

Когда я встретилась с жителями дер. Застаринье, выходящими из леса, они меня расспрашивали буквально обо всем, что произошло в нашей деревне. В частности, меня спрашивали, как и из какого оружия расстреливали людей в доме Михана Ильи. Я об"яснила, что каратели расстреливали людей из оружия которое было коротким по размерам, короче чем ружье и посередине отходила вниз какая-то коробочка в виде прямоугольника, что стреляли из него не одиночными выстрелами, выстрелы следовали один за другим очень быстро и на меня сыпались патроны. Тогда я услышала об"яснения людей, что расстрел производился карателями из автоматов, очередями и что в момент стрельбы на меня сыпались стреляные гильзы.

Позднее в дер. Застаринье каратели батальона, располагавшегося в Городище приезжали неоднократно, но все жители до их прихода уходили в лес. Не помню в какое время, в дер. Застаринье приехал партизан Букрей Николай Семенович, он в настоящее время проживает в дер. Столовичи Барановичского района Брестской области и в то время на деревню нагрянули каратели батальона из Городище. Букрей успел где-то спрятаться в погреб, а его лошадь побежала к гумну Бернат Константина. В гумне Бернат Константин и Казимирчик Александр резали сечку для скота. Батальонцы обстреляли гумно, при этом они убили Бернат Константина и ранили Казимирчика Александра. Партизана они не нашли и уехали из нашей деревни. Кто из карателей батальона обстрелял гумно, в котором нахо-

Гусев

Архив УДТБ Республики Беларусь по Брестской области

дидся Казимирчик и Бернат, мне неизвестно и об этом от одно-
сельчан я ничего не слышала.